

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата :
Она не золотомъ, не бархатомъ богата ;
Не въ ней алмазь вѣнца хранится за стекломъ ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисоваль художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ
Мадоннъ ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ими я брожу ,
И на знакомые ихъ образы гляжу ,

И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужь многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда останавлиюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣ гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию великой,
И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не влюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ. . . .
 И долго, укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
 Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
 И на полу-пути былъ долженъ наконецъ
 Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
 И власть, и замысль, обдуманнѣе глубоко, —
 И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
 Тамъ устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
 Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
 Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
 Вотще! —

.

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
 Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
 Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
 Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
 Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣннѣи
 Поэта приведетъ въ восторгъ и въ умиленье!

